

ИДЕОЛОГИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

О.М. Кондратова

Рассматривается проблема деформации национально-культурной идентичности в условиях доминирования идеологии потребления.

Ключевые слова: идеология потребления; глобальное общество потребления; национально-культурная идентичность.

Идентичность в широком смысле означает осознание человеком своей принадлежности к какой-либо социокультурной группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире. Необходимость в ней продиктована тем, что каждый человек нуждается в определенной упорядоченности своей жизнедеятельности, которую он может получить только в сообществе других людей. Для этого он должен добровольно принять господствующие в данном сообществе элементы сознания, вкусы, привычки, нормы, ценности и иные средства взаимосвязи, принятые окружающими его людьми. Усвоение элементов социальной жизни группы придает существованию человека упорядоченный и предсказуемый характер, делая его причастным к соответствующей культуре.

В зависимости от типа групповой принадлежности выделяют профессиональную, соци-

альную, этническую (национальную), политическую, религиозную, психологическую и культурную идентичность, из которых нас в первую очередь будет интересовать последняя. Несмотря на достаточно четкие критерии дифференциации, границы между означенными видами идентичности достаточно прозрачны, поскольку они сосуществует в некоей единой целостности, и каждая в отдельности испытывает на себе параллельное влияние остальных. Что касается культурной идентичности, то в ней находят воплощение и гармонично сочетаются элементы одновременно и социальной, и этнической (национальной), и религиозной разновидностей идентичности. Более того, отождествляя себя с культурными нормами, ценностными ориентациями, образцами поведения и языком соответствующего общества, человек автоматически отождествляет себя с общностью большего формата – этносом или нацией [1, с. 50].

Один из основных механизмов, обеспечивающих формирование чувства принадлежности к собственной культурно-национальной традиции, осуществляется как раз через усвоение структуры потребностей, заданной и сформированной ею самой. Это обстоятельство находит подтверждение непосредственно в культурфилософской теории, утверждающей, что структура традиционных культур отражает одновременно и структуру сознания творящего ее субъекта, и структуру его потребностей, которую можно обозначить как базовую. Такое соотношение между собственно культурой, ее творцом и его потребностями, которые возможно удовлетворить за счет внутреннего ресурса этой самой культуры, является главным и необходимым условием обеспечения устойчивости всей системы в целом. В случае изменения формата любой из составляющих равноценность системы неизбежно будет нарушена, что закономерно делает проблематичным «упорядоченность и предсказуемость» человеческого бытия.

Данная статья представляет собой попытку осмысления проблемы разрушения национально-культурной идентичности, вызванной деформацией базовой структуры потребностей, сущность которой заключается в замене всего культурно-обусловленного комплекса потребления, включая потребности в духовном совершенствовании и творческой реализации, лишь потреблением материальным. Эта проблема обретает особую актуальность именно сейчас, когда в условиях мира, глобализирующегося по законам развития либеральной рыночной экономики, мы наблюдаем мучительный процесс «рекультуризации огромных народов, питающих уважение к своему прошлому, но одновременно видящих губительность отставания от первого эшелона стран мира» [2, с. 79]. На примере анализа ситуации, сложившейся на постсоветском пространстве, автор делает попытку разобраться, каким образом потребление влияет на механизм конструирования идентичности и тем самым способствует росту отчуждения человека от собственной культуры.

Еще в советский период, в условиях дефицита товаров широкого потребления, вузовские преподаватели исторического материализма, рассуждая о преимуществах коммунистической формации над капиталистической, в качестве главного аргумента приводили следующий: коммунизм – это фаза, завершающая исторический процесс мирового развития, при которой человечество достигнет такого уровня материального изобилия, когда оно с легкостью сможет воплотить в жизнь принцип «от каждого по

способности, каждому по потребности». Если еще учесть, что к тому времени, как утверждала марксистская теория, отомрет государство, а вместе с деньгами (как эквивалентом труда) канут в Лету товарно-денежные отношения – перед мысленным взором тогдашних школяров рисовались весьма заманчивые картины «жирного царства», в условиях которого при минимальных трудовых затратах, а возможно, и вообще без всяких затрат человек сможет получать желаемое сиюминутно, не сходя с места и в неограниченном количестве. Конечно, преподаватели говорили и о высокой духовности человека будущего, и о возможностях максимального развития его творческого потенциала, и об изменении характера и качества труда, но, как правило, эти рассуждения даже для них самих зачастую оставались как бы «за скобками». Возможно, в том числе и поэтому в представлениях homo soveticus периода позднего социализма на уровне вдохновляющего символа образ коммунизма как «всеобщей бесплатной кормушки» так и не трансформировался в образ «всеобщей взлетной полосы».

Как отмечает А.С. Панарин, философия марксизма и созданный ею социальный идеал несли в себе изначальную двусмысленность, поскольку, с одной стороны, велась непрекращающаяся борьба с мещанскими пережитками и ценностями буржуазного образа жизни, а с другой – советскому человеку обещали материальное изобилие и ручались «догнать и перегнать Америку». В результате чего Советский Союз оказался с буржуазным миром в одной и той же плоскости, что само по себе уже позволяло интерпретировать имеющиеся между ними качественные различия вовсе не в пользу Союза. «Поставленный в XX веке исторический эксперимент показал, что победить буржуа на материалистической почве невозможно, ибо это его собственная почва, попав на которую, он, как Антей, немедленно набирает силу. «Второй мир» рухнул в конечном счете потому, что не сумел стать другой, самостоятельной цивилизацией, со своею особой, качественно отличной картиной мира и системой ценностей. «Железный занавес» физически разделял людей Востока и Запада, но он создавал особую систему ценностей. Мало того, он способствовал известной романтизации буржуазных порядков в глазах людей, глядевших на них из запретного пространства.

Советский коммунизм с годами все больше превращался из альтернативного исторического проекта в запретительную цензурно-полицейскую систему, мешающую собственным

подпольщикам мещанства сполна проявить себя и воссоединиться с мировым мещанством. Ставшая очевидной для всех коммунистическая ложь, вынуждающая твердить о небывалых достижениях и решающих преимуществах по тем самым мещанско-потребительским критериям, по которым преимущества явно были на стороне Запада, породила свои эффекты бумеранга. Чем больше бранили прогневивший Запад по официальным каналам, тем пленительнее выступал его “гонимый” образ, тем больше скрытых достоинств ему приписывалось” [3, с. 361–362].

При этом, как отмечает российский политолог А.И. Уткин, “Россия пережила несколько волн целенаправленного западного воздействия. Наибольшее влияние оказали протестантизм (1717–1840), идеи Просвещения (1750–1824), технический модернизм – прибытие инженеров, строительство заводов (1890–1925), политический либерализм (1770–1917), марксизм (1860–1917), марксизм-ленинизм (1903–1991), идеи свободного рынка (1991–2002)” [4, с. 64–65]. Начало процессу было положено еще в эпоху петровских реформ – времени, когда в сознании русской аристократии начал формироваться комплекс “западничества”, позже унаследованный и русской интеллигенцией. Тогда же начала складываться и та особенная установка восприятия западных идей, от которой предостерегал Н.А. Бердяев: “Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и утопий и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превратилось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения” [5, с. 152].

Именно подобная нескритичность не позволила по-настоящему осмыслить идеи либеральной рыночной экономики и, в конце концов, стала причиной того, что в массе своей советская научная интеллигенция “даже не попыталась вникнуть, какого типа жизнеустройство реформаторы пытаются навязать России. Рынок был представлен идеологами просто как механизм информационной обратной связи, стихийно регулирующей производство в соответствии с общественной потребностью через поток товаров. То есть как механизм контроля, альтернативный плану” [6, с. 495–496]. На самом же деле, как утверждает российский исследователь С.Г. Кара-Мурза, ры-

ночная экономика изначально представляла собой не что иное, как результат глубокой мутации в очень специфической культуре Запада.

Однако возможно ли объяснить то положение, в котором оказались народы бывшего Союза и, прежде всего, России, только нескритичностью или влиянием бессознательных комплексов, пусть даже в совокупности с интеллигентским недомыслием? Как видно из вышесказанного, одной из главных причин оглушительного развала СССР однозначно можно назвать изменение структуры материальных потребностей рядового советского человека, отразившей изменения, произошедшие в структуре его сознания. Искать первопричины этой метаморфозы, опираясь на ментальные особенности советской интеллигенции и содержание идеологической политики советского периода, сконцентрированное в лозунгах и призывах пленумов и съездов КПСС, в целом верно, но малопродуктивно. А.И. Уткин не случайно обращает внимание на то, что Россия пережила несколько волн не просто идеологического, а *целенаправленного* (выделено автором. – К.О.) идеологического воздействия, нужного и выгодного в первую очередь самому Западу.

Исчерпав, как казалось, потенциал социалистического пути развития, страна в лице ее тогдашней политической элиты решила формировать стратегию построения будущего, исходя из принципов открытого общества и рыночных приоритетов. Последствия этого шага оказались двоякими и в обоих случаях фатальными. С одной стороны, тотальная приватизация, обернувшаяся деиндустриализацией экономики и обнищанием широких народных масс, с другой – использование в целях “переключения внимания” мощных информационных манипулятивных технологий, направленных на формирование у деградирующего населения новой картины мира, воплощающей идеал общества потребления. Таким образом был запущен механизм формирования избыточных потребностей, прежде всего выступающих “живым воплощением” мечты о красивой жизни. В дополнение к вышесказанному вновь возникшая олигархия, утвердившая в современном процессе американизации мира безраздельное право экономически грабить целые народы, начала претендовать еще и на “теократические функции, вынося беспалляционные суждения в области морали, культуры и веры. При этом авторитарный олигархический дискурс, касающийся высших измерений человеческого бытия, обретает характер беззастенчивой “игры на понижение”, развенчания и осквернения святынь” [7, с. 125].

Такое положение вещей не могло не отразиться на уровне общественного сознания. Все более подпадая под “обаяние” современного глобализма, бывшие республики Союза наряду с другими странами третьего мира оказались всего лишь объектами проводимой Соединенными Штатами Америки жесткой внешней политики, направленной на сохранение сложившегося статус-кво. Эта политика, основанная на принципах идеологической приверженности к неolibеральной экономической ортодоксии, обусловила возникновение “...всемирной диффузии потребительской идеологии, создающей новое чувство идентичности, заменяющее традиционные основы и прежний образ жизни (выделено автором. – К.О.). Глобальное распространение либеральной демократии еще более способствует укреплению ощущения, что возникает глобальная цивилизация, определяемая универсальными стандартами экономической и политической организации. Эта цивилизация создает свой собственный мир глобального управления, будь то МВФ или законы мирового рынка, которым подчинятся государства и народы” [8, с. 4].

Процесс универсализации стандартов обуславливает процесс универсализации потребностей и сводится к тому, что в глобальном масштабе происходит выравнивание социокультурного поля мира, когда “жители менее развитых стран осваивают стандарты жизни высокоразвитых, которые становятся для них эталоном” [7, с. 196]. Расценивать это явление в целом можно по-разному. С точки зрения просвещенческого оптимизма, оно, безусловно, может быть оценено положительно – как обмен “передовыми достижениями” в рамках реализации просвещенческо-модернизаторской миссии со стороны развитых в отношении отсталых и неразвитых. Однако с точки зрения социокультурного реализма, по выражению А.С. Панарина, это явление может быть расценено лишь как “источник ползучей катастрофы”, поскольку подобное выравнивание стандартов потребления не предполагает автоматического увеличения возможностей для их удовлетворения. Другими словами, “из того, что поле притязаний выравнивается по стандартам высокоразвитых стран, еще вовсе не

следует, что выравниваются и соответствующие возможности” [7, с. 196].

Если применить сказанное к постсоветскому пространству, то необходимо отметить, что советская идентичность, как идентичность новой исторически сложившейся социальной общности – советского народа, по существу, была наднациональной, а потому неустойчивой. Некоторые исследователи именно этой неустойчивостью объясняют неспособность советских граждан проявить себя нацией и защитить свое государство в момент, когда возникла реальная угроза разрушения. Последующее же идеологическое воздействие, направленное на формирование установок, якобы обеспечивающих стране органичное вхождение в глобальное мировое сообщество, также вряд ли могло повысить и укрепить национальное самосознание народа. Оно лишь привело к тому, что противоречие, возникшее между желаемым и возможным, обозначилось как объективное препятствие и породило “феномен массового социокультурного отчуждения”, выразившийся в дистанцировании индивида сначала от социальной, а позже и от национальной группы. Наметилась устойчивая тенденция структурного изменения сознания, при которой человек, утрачивая национально-культурную идентичность, стал все больше ощущать себя объектом чужой, инородной, но привлекательной для него культуры, нежели субъектом своей собственной.

Литература

1. Садохин А.П. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Омега-Л, 2009.
2. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2002.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2003.
4. Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: Алгоритм, 2008.
5. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Логос, 1998.
6. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2007.
7. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Алгоритм, 2003.
8. Held D. et al. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge, 2000.